

ЛУСИЯ БЕРЛИН



LUCIA BERLIN

.....

**A MANUAL FOR
CLEANING
WOMEN**

.....

ЛУСИЯ БЕРЛИН
.....
РУКОВОДСТВО
ДЛЯ
ДОМРАБОТНИЦ
.....

Перевод с английского
Светланы Силаковой



издательство АСТ
москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б49

Published with agreement with FARRAR, STRAUS & GIROUX

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Берлин, Лусия.

Б49 Руководство для домработниц : сборник рассказов/ Лусия Берлин; пер. с англ.
С. Силаковой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 496 с.

ISBN 978-5-17-086286-3

Лусия Берлин (1936–2004) опубликовала при жизни несколько сборников рассказов. Но настоящее признание пришло к ней только после смерти, в 2015 году, когда она стала литературной сенсацией года и ее книги вошли в списки бестселлеров. И критики, и читатели оценили порой мрачный юмор, открытость и наблюдательность, легкость и естественность стиля. И трезвое, едкое, иногда суровое, но всегда внимательное отношение к миру, где живут медсестры, алкоголики, учителя, наркоманы, онкобольные, и каждый из них интересен Берлин, она готова прислушаться ко всем.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-086286-3

© Lucia Berlin, 1977, 1983, 1984, 1988, 1990, 1993, 1999
© Estate of Lucia Berlin, 2015
© С. Силакова, перевод с английского, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

Прачечная Ангела	9
Д-р Х. Э. Мойнихан	16
Звездочки и святые	26
Руководство для домработниц	37
Мой жокей	53
Эль Тим	55
Угол зрения	67
Впервые в нарколожке	73
Фантомная боль	79
Прибежали тигры.. ..	88
Записки из приемного покоя, 1977 год	112
<i>Temps Perdu</i>	124
<i>Carpe Diem</i>	134
<i>Toda Luna, Todo Año</i>	139
Хорошая и плохая	158
Мелина	173
Друзья	182
Без удержу	189
На электромобиле по Эль-Пасо	194

Сексапильность	198
Шпаненок малолетний	205
Шаг	208
Бродячие	211
Скорбь	221
Голубые люпины	239
<i>La Vie en rose</i>	250
Макадам	258
Дорогая Кончита!	259
Как глупо плакать	271
Траур	289
<i>Panteón de Dolores</i>	298
Пока	308
Роман на стороне	319
Дай мне посмотреть на твою улыбку	333
Мама	371
Кармен	380
Молчание	392
<i>Mijito</i>	409
502	437
Здесь суббота	445
Б. Ф. и я	461
Погоди минутку	466
Инстинкт дома	476
Благодарности	493

• • • • •

**РУКОВОДСТВО
ДЛЯ ДОМРАБОТНИЦ**

Прачечная Ангела

Высокий старик-индеец в потертых ливайсах с красивым зунийским¹ ремнем. Длинные, совершенно седые волосы стянуты малиновым шнурком на затылке. Странное дело: целый год мы непременно оказывались у Ангела в одно и то же время. Но не одновременно. В смысле прихожу я в понедельник в семь или, допустим, в пятницу в полседьмого вечера, а он, представьте себе, уже там сидит.

Миссис Армитейдж ничем на него не походила, разве что оба дряхлые. Нью-Йорк, прачечная “Сан-Хуан” на Пятнадцатой улице. Пуэрториканцы. Весь пол в мыльной пене. Я тогда была молодой матерью, стирала пеленки с утра по четвергам. Миссис Армитейдж жила этажом выше, в квартире под номером “4-С”. Однажды утром в прачечной она дала мне ключ, а я его взяла. Она сказала: если однажды в четверг я не увижу ее здесь, значит, ее больше нет; не буду ли я так любезна зайти и обнаружить ее тело. Разве можно просить о такой страшной услуге кого бы то ни было, и вдобавок это обязывало меня стирать именно по четвергам.

Умерла она в понедельник; с тех пор ноги моей не было в “Сан-Хуане”. Тело обнаружил консьерж. Каким образом, не знаю.

¹ Зүни, зўньи — индейский народ группы пуэбло на юго-западе США. (Здесь и далее — прим. перев.)

Первые несколько месяцев мы с индейцем никогда не разговаривали между собой в прачечной Ангела, но сидели рядом, на желтых пластмассовых стульях, соединенных вместе, — такие обычно стоят в аэропортах. Их ножки, скользя по драному линолеуму, издавали звук, от которого ныли зубы.

Обычно он сидел, прихлебывая “Джим Бим”, глядя на мои руки. Не прямо, а в зеркале напротив нас, висевшем над стиральными машинами “Супертемп”. Поначалу я реагировала спокойно. Старик-индеец смотрит на мои руки в грязном зеркале между пожелтевшим “ПРОКАТ УТЮГА — ДОЛЛАР ПЯТЬДЕСЯТ СЕАНС” и флуоресцентно-оранжевым: “ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ТО, ЧЕГО Я НЕ В СИЛАХ ИЗМЕНИТЬ”. Но потом призадумалась: может, у него пунтик какой-то? Стало неуютно: он же смотрит, как я курю, как сморкаюсь, как листаю старые-престарые журналы. Леди Бёрд Джонсон¹ спускается по порогам.

В конце концов он меня довёл, я сама уставилась на свои руки. И заметила его полуухмылку: он меня застучал, когда я на свои руки уставилась. И наши взгляды впервые встретились в зеркале, под табличкой “НЕ ПЕРЕГРУЖАЙТЕ МАШИНЫ”.

В моих глазах — паника. Смотрю себе в глаза и снова на свои руки. Мерзкие возрастные пятна, два шрама. Совершенно не индейские, нервные, одинокие руки. Дети, мужчины, сады — все это читается по моим рукам.

Его руки в тот день (в день, когда я всмотрелась в свои) лежали на туго натянутой васильковой джинсовке, на его бедрах. Вообще-то его руки почти всегда дико дрожали, а он этого вовсе не прятал — сидел с руками на коленях, хоть бы хны.

¹ Клаудия Альта Тейлор Джонсон, известная под прозвищем “Леди Бёрд” — супруга президента США Линдона Джонсона. Уделяла большое внимание пропаганде национальных парков и активного отдыха.

Но в тот день приказал рукам не шевелиться. От натуги костяшки совершенно побелели — а так-то пальцы у него были саманного цвета.

Я всего один раз разговаривала с миссис Армитейдж не в прачечной: когда в ее квартире засорился унитаз и вода хлынула на мой этаж по люстре. Лампочки не гасли, вода струилась по ним жидкой радугой. Миссис Армитейдж стиснула мой локоть своей холодной умирающей рукой и сказала: “Это же чудо, правда?”

Его звали Тони. Он был апач-хикарилья с севера штата¹. Однажды я, не глядя, поняла, что это его красивая рука легла на мое плечо. Он дал мне три десятицентовика. Я не поняла, чуть было не поблагодарила, но тут же увидела: его вконец трясет, с сухими не управиться. Пока ты трезвый, это дело непростое. Одной рукой поворачиваешь стрелочку, другой вставляешь десять центов, опускаешь поршень, а потом выворачиваешь стрелочку обратно, чтобы вставить еще десять центов.

Позднее он вернулся, пьяный, когда его одежда уже начала расправляться и сохнуть. Так и не сумел открыть дверцу, сел на желтый стул и отрубился. Моя одежда высохла, я начала ее складывать.

Мы с Ангелом положили Тони на пол в гладилке. Жарко. Это Ангел вывешивает все молитвы и девизы “Анонимных алкоголиков”. “БРОСЬ ДУМАТЬ — ПРОСТО БРОСЬ ПИТЬ!” Ангел намочил в холодной воде бесхозный носок, положил Тони на лоб, опустил на колени:

— Брат, поверь мне... Я тоже там побывал... На дне той же сточной канавы, где ты сейчас. Я отлично знаю, каково тебе приходится.

Тони не открывал глаза. Только дураки говорят, что отлично знают, каково другому.

¹ Апачи-хикарилья — индейское племя, в наше время живут в штате Нью-Мексико.

Прачечная-автомат “У Ангела” находится в Альбукерке, штат Нью-Мексико. На Четвертой улице. Обшарпанные магазины и кладбища автомобилей, “секонд-хенды” со списанными армейскими раскладушками, целыми коробками непарных носков, “Руководствами по гигиене” в изданиях 1940 года. Зерновые склады, мотели для любовников и пьяниц да старухи, крашенные хной, которые ходят стирать к Ангелу. К Ангелу ходят и молоденькие — совсем девчонки — замужние чиканы¹. Полотенца, коротенькие розовые ночнушки, трусики-бикини с надписью “Четверг”. Их мужья носят синие комбинезоны, на карманах вышиты витиеватыми стежками имена. Мне нравится ждать, пока в сушках мелькнут имена, расшифровывать их в зеркальном отражении. “Тина”. “Корки”. “Джуниор”.

К Ангелу ходят кочевники. К крышам их старых помоях “бьюиков” приторочены грязные матрасы и ржавые детские стульчики. Канистры с маслом протекают, брезентовые емкости с водой протекают. И стиральные машины протекают. Мужчины ждут в автомобилях, голые до пояса, комкают, допив, банки от пива “Хэммс”.

Но в основном к Ангелу ходят индейцы. Индейцы племени пуэбло из Сан-Фелипе, Лагуны и Сандии. Тони — единственный апач, который мне повстречался за всю жизнь: и в прачечной, и вообще. Мне нравится искоса смотреть на сушки, набитые индейской одеждой: перед глазами расплывается пестрая круговерть, пурпурное да оранжевое, красное да розовое.

К Ангелу хожу я. Сама даже не знаю почему, не только ради индейцев. Ехать на другой конец города. У меня в соседнем квартале есть “Кампус”: с кондиционером, с фоновой музыкой в стиле лайт-рок. С “Нью-Йоркером”, “Мс.”² и “Космополитеном”. Туда ходят жены аспирантов, покупают своим детям батончики “Зироу” и кока-колу. В прачечной “Кампус”, как

¹ Чикано, чикана — американец\американка мексиканского происхождения.

² Американский журнал либеральных феминисток.

и почти везде, висит табличка: “ОКРАШИВАНИЕ И ЗАМАЧИВАНИЕ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ”. Куда я только ни совалась со своим зеленым покрывалом, пока не набрела на Ангела и его пожелтевшее объявление: “ТУТ КРАСЬТЕ, МОЧИТЕ СКОЛЬКО ХОТИТЕ”.

Я прекрасно видела, что мое покрывало постепенно становится не пурпурным, а еще более грязно-болотным, но мне все равно захотелось прийти сюда снова. Понравились индейцы и то, что они стирали. Сломанный автомат с кока-колой и потоп на полу напоминали Нью-Йорк. Пуэрториканцы сновали со швабрами. У них таксофон никогда не работал, у Ангела — тоже. Пошла бы я в какой-нибудь четверг к миссис Армитейдж, чтобы обнаружить ее тело?

— Я у себя в племени вождь, — сказал индеец. Посиживал себе, прихлебывал портвейн, смотрел на мои руки.

Сказал мне, что жена у него ходит убираться — так зарабатывает. Сыновей было четверо. Младший покончил с собой, старший погиб во Вьетнаме. Остальные двое водят школьные автобусы.

— А знаешь, почему ты мне нравишься? — спросил. — Не знаю. Почему? — Потому что краснокожая, — и показал на мое лицо в зеркале. Да, кожа у меня красная, но, между прочим, я в жизни не видала индейцев с красной кожей.

Ему понравилось мое имя, и он произнес его на итальянский манер: “Лю-чи-я”. Во Вторую мировую был в Италии. А-а, вот же у него на шее солдатский жетон — висит вместе с красивыми бусами из серебра и бирюзы. На жетоне большая вмятина. “Пуля?” Нет, он его обычно грыз, если донимал страх или мысли о бабах.

Однажды он предложил пойти в его автокараван: приляжем, отдохнем вместе.

— Эскимосы говорят: “посмеемся вместе”, — и я показала на изумрудную флуоресцентную бумажку “НИКОГДА

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МАШИНЫ БЕЗ ПРИСМОТРА”. Мы оба захихикали — посмеялись вместе на наших сцепленных пластмассовых стульях. А потом примолкли, сидя как сидели. Тишина — только вода хлюпает, размеренно, как океанские волны. Его рука — рука Будды — сжала мою.

Проехал поезд. Он толкнул меня в бок: “Великий большой железный конь!”, и мы снова захихикали. В моей голове полно беспочвенных обобщений: я уверена, что все черные обязаны любить Чарли Паркера. Что немцы противные, а у всех индейцев чувство юмора — с прибабахом, как у моей матери. Вот один из ее любимых анекдотов: один малый нагибается завязать шнурок, подходит другой и начинает его колотить, приговаривая: “Вечно ты шнурки завязываешь!” И еще один: официант, подавая рюмку бальзама, проливает его на рубашку клиента. И говорит: “Ой-ой, я вам пролил бальзам на сердце”. Тони, бывало, рассказывал мне те же самые анекдоты, когда стирка затягивалась.

Однажды он дико, до озверения напился, ввязался на парковке в драку с какими-то оклахомцами. Они разбили его бутылку “Джим Бима”. Ангел сказал, что купит ему полпинты, если он выслушает его в гладилке. Я перекладывала свое белье в сушку, пока Ангел говорил Тони, что сегодня — самый важный день в его жизни.

Выйдя из гладилки, Тони сунул мне свои десятицентовики. Я положила его белье в сушку, пока он мучился с крышкой на бутылке “Джим Бима”. Не успела сесть, а он начал на меня орать:

— Я вождь! Я вождь племени апачей! Иннахрен!

— И тебе, вождь, туда же.

Сидит, выпивает, смотрит на мои руки в зеркале.

— Как так вышло, что ты стираешь на апачей?

Не знаю, почему я так сказала. Страшные слова. Наверно, хотела его рассмешить. Надо сказать, он и вправду засмеялся.

— Какого ты племени, краснокожая? — спросил он, глядя, как мои руки вытаскивают из пачки сигарету.

— А знаешь, у кого я прикурила свою первую сигарету? У принца! Ты мне веришь?

— Верю-верю. Дать тебе прикурить? — он чиркнул спичкой, и мы улыбнулись друг другу. Мы сидели очень близко, а потом он отрубился, и я осталась в зеркале одна.

Там была еще какая-то девочка — не в зеркале, она у окна сидела. От пара ее волосы закручивались: изящные боттичеллиевские кудри. Я прочитала все таблички и объявления. “ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ МУЖЕСТВО”. “КРОВАТКА НОВАЯ, НИ РАЗУ НЕ Б/У (РЕБЕНОК УМЕР)”.

Девочка сложила свое белье в корзину бирюзового цвета и ушла. Я переложила свое на стол, проверила белье Тони, опустила еще десятицентовик. Я была в прачечной Ангела одна — наедине с Тони. Смотрела в зеркале на свои руки и глаза. Красивые голубые глаза.

Однажды в Винье-дель-Мар я каталась на яхте. У кого-то стрельнула сигарету — первую в жизни, а принцу Али Хану сказала: “Дайте прикурить”. “*Enchanté*”¹, — сказал он. Впрочем, у него не оказалось спичек.

Я сложила свое белье, а когда Ангел вернулся, поехала домой.

Не могу припомнить, скоро ли до меня дошло, что после того раза старик-индеец мне больше не попадался.

1 Здесь: рад служить (*фр.*).

жизнь испарилась. Сеансы психоанализа, бассейн в ИМКА¹. Как насчет ланча в пятницу? Вечеринка у Глории, завтра к зубному, стирка, забрать книги у Мо, уборка, кошачий корм кончается, в субботу посидеть с внуками, на работе заказать марлю и кнопочные гастростомы, написать Августу, поговорить с Джози, испечь оладьи, должен зайти Ч. Дж. Год спустя я испытала еще более сюрреалистическое ощущение: продавцы в бакалее и книжном, друзья, случайно попадавшие мне на улице, — все они даже не заметили моего отсутствия.

В Мехико я прямо из аэропорта позвонила Педро, ее онкологу, — выяснить, чего ждать. Думала: еще несколько недель, не больше месяца. “*Ni modo*”, — сказал он. — Продолжим химиотерапию. Может быть, шесть месяцев, или год, или даже больше”.

— Если б ты мне просто сказала: “Приезжай сейчас, я так хочу”, я все равно бы приехала, — сказала я ей в тот вечер.

— Нет, ты бы не приехала! — засмеялась она. — Ты реалистка. Ты знаешь, что у меня есть слуги, которые все за меня делают, и сиделки есть, и врачи, и друзья. Ты бы подумала, что я пока в тебе не нуждаюсь. Но я хочу, чтобы ты уже сейчас помогла мне привести все в порядок. И чтобы ты готовила еду — тогда Алисия и Серхио будут обедать дома. Я хочу, чтобы ты мне читала, чтобы ты обо мне заботилась. Теперь, когда мне одиноко и страшно. Ты нужна мне сейчас.

У нас у всех есть мысленные фотоальбомы. Остановленные мгновения. Снимки наших родных и близких в разные моменты. На этом снимке — Салли в темно-зеленом спортивном костюме, сидящая по-турецки на своей кровати. Кожа светится, в зеленых глазах сияют слезы, она разговаривает со мной. Никакого лукавства, никакой жалости к себе. Я обняла ее, как я была ей благодарна за доверие!

1 ИМКА (УМСА, Юношеская христианская ассоциация) — всемирная волонтерская организация. Содержит, в том числе, спортивные сооружения.

2 Ничего подобного (исп.).

В Техасе я, восьмилетняя, ненавидела ее, трехлетнюю, так сильно ей завидовала, что мое сердце кипело от ярости. Наша бабушка махнула на меня рукой, и я росла, как сорная трава, беззащитная перед остальными взрослыми, но маленькую Салли бабушка охраняла неусыпно, расчесывала ей волосы, пекла для нее одной пирожные, укачивала ее, пела “Далеко в Миссури”. Но у меня даже с тех времен сохранились мысленные портреты Салли: улыбаясь с непритворной ласковостью, которую она пронесла через всю жизнь, маленькая девочка протягивает мне песочный куличик.

Первые месяцы в Мехико промчались стрелой, как в старых фильмах, когда на отрывных календарях мелькают дни. Ускоренная перемотка: плотники — все поголовно Чарли Чаплины — стучат на кухне, водопроводчики гремят в ванной. Приходили мастера чинить все дверные ручки и вставлять разбитые стекла, циклевать полы. Мирна, Белен и я, засучив рукава, взялись за кладовую, *tapanco*¹, платяные шкафы, книжные стеллажи и комоды. Мы выбрасывали туфли и шляпки, собачьи ошейники, жакеты а-ля Неру. Мерседес, Алисия и я достали всю одежду и украшения Салли, снабдили этикетками — кому из друзей что отдать.

Ленивые сладостные дни на полу в спальне Салли: разбирать фотографии, читать письма и стихи, сплетничать, рассказывать истории. Весь день люди звонили — то по телефону, то в дверь. Я отфильтровывала звонки и посетителей, обрывала их, если Салли уставала, или не обрывала, если она наслаждалась, — например, всякий раз, когда она разговаривала с Густаво.

Когда кому-то впервые ставят смертельный диагноз, звонки, письма и гости текут лавиной. Но идут месяцы, время превращается в тяжелые времена, и все меньше народу появляется. Вот когда болезнь разбухает, а время становится медлительным

¹ Антресоли (исп.).

и громким. Слышишь тиканье будильника, и церковные колокола, и позывы на рвоту, и каждый хриплый вдох и выдох.

Андрес и бывший муж Салли Мигель приходили каждый день, но в разные часы. Только один раз пересеклись. Я подивилась, как все автоматически лебезили перед бывшим мужем. Он давным-давно женился на другой, но его гордость все равно щадили. Андрес просидел в спальне Салли всего несколько минут. Я принесла ему кофе и *pan dulce*. Едва я поставила чашку и тарелку на стол, вошла Мирна: “Сейчас придет сеньор!”

— Скорее, в твою комнату! — сказала Салли.

Андрес убежал в мою комнату, прихватив кофе и булку. Только я прикрыла за ним дверь, появился Мигель.

— Кофе! Мне надо выпить кофе! — сказал он.

Тогда я зашла в свою комнату, отобрала у Андреса кофе и булку, отнесла Мигелю. Андрес исчез.



Я чувствовала сильную слабость, еле передвигала ноги. Мы думали, что это *estrés* (в испанском нет своего слова для обозначения стресса), но однажды я потеряла сознание на улице, и меня отвезли в больницу. Оказалось, у меня сильная анемия, а всему виной — грыжа пищевода с кровотечением. Я пролежала в больнице несколько дней, мне переливали кровь.

После больницы я почувствовала себя намного лучше, но моя болезнь напугала Салли. Смерть напомнила нам, что никуда не делась. Время снова ускорилося. Когда мне казалось, что Салли заснула, я вставала с кресла, собиралась лечь.

— Не уходи!

— Я в туалет, сейчас вернусь.

По ночам, если она задышалась или кашляла, я вставала, проверяла, как она.

Теперь она не расставалась с кислородным баллоном, с постели вставала редко. Я мыла ее прямо в спальне, делала ей уколы от боли, от тошноты. Она понемножку пила бульон, иногда ела крекеры. Сосала льдинки. Я заворачивала лед в полотенце и крошила его, крошила, крошила, колотя по бетонной стене. Мерседес ложилась с ней на кровать, а я устраивалась на полу и читала им вслух. Подумав, что они заснули, я умолкала, но обе просили: “Читай дальше!”

*Виено*¹. “Пусть кто-нибудь попробует утверждать, что наша Бекки, которой, конечно, нельзя отказать в кое-каких пороках, не была выведена перед публикой в самом благородном и безобидном виде!...”²

Педро делал ей дренаж легкого, но все равно ей становилось все труднее дышать. Я решила устроить в ее комнате настоящую уборку. Мерседес сидела с ней в гостиной, пока Мирна, Белен и я подметали, вытирали пыль, мыли стены, окна и полы. Я переставила ее кровать: поставила прямо под потолочным окном, чтобы ей было видно небо. Белен постелила чистые отутюженные простыни, и мы отнесли Салли обратно в спальню. Она откинулась на подушку, и ее лицо засветилось, полностью озаренное весенним солнцем.

— *El sol*, — сказала Салли. — Я его чувствую.

Я сидела напротив, привалившись к стене, и смотрела, как она смотрит в свое окно. Самолет. Птицы. След от самолета. Закат!

Поздно вечером я поцеловала ее на сон грядущий и ушла в свою каморку. Увлажнитель ее кислородного баллона булькал, как фонтан. Я дожидалась, пока она заснет, — это я определяла по дыханию. Ее матрас заскрипел. Она натужно набрала в грудь воздуха, застонала, засопела. Я слушала, ждала, а потом услышала над ее кроватью звяканье колес — занавеска отодвигалась.

— Салли? Саламандра, что ты делаешь?

¹ Хорошо (*исп.*).

² У. Теккерея “Ярмарка тщеславия”. Перевод М. Дьяконова.

— Смотрю на небо!

Я, совсем рядом с ней, посмотрела в свое маленькое окошко.

— Оуе, сестра...

— Ау! — сказала я.

— Мне все слышно. Ты плачешь обо мне!



С тех пор как ты умерла, прошло семь лет. Естественно, теперь я скажу: “пролетело”. Я состарилась. Как-то внезапно, *de repente*. Мне трудно ходить. Я даже брызгаю слюной. Я не запираю дверь на ночь — мало ли, вдруг умру во сне, но, скорее всего, так и буду скрипеть понемножку, пока меня куда-нибудь не пристроят. Я уже немножко с приветом. Я припарковалась за углом, потому что мое обычное место кто-то занял. А потом, увидев пустое место, задумалась: куда пропала моя машина? Я разговариваю со своим котом, что, может, и не так уж странно, но чувствую себя глупо, потому что кот совершенно глухой.

Как бы то ни было, времени никогда не бывает вдосталь. “Реального времени”, — как говорили когда-то заключенные, с которыми я занималась. Объясняли: это только кажется, будто у них времени вагон. Своим временем они даже не распоряжались.

Теперь я преподаю в красивом *fresa*¹ горном городке. В тех же Скалистых горах, где папа когда-то добывал руду, но с Бьюттом или Кер-д'Ален — никакого сравнения. И все равно мне повезло. Здесь у меня есть хорошие друзья. Живу я в предгорьях, где мимо моего окна грациозно и скромно вышагивают олени. Я видела в лунном свете, как сношались скунсы; их пронзительные крики походили на восточную музыку.

Я скучаю по моим сыновьям и их семьям. Я вижусь с ними максимум раз в год, и это всегда очень приятно, но я перестала

¹ Здесь “мажорском” (мексиканский сленг).

по-настоящему участвовать в их жизни. И в жизни твоих детей тоже. Правда, Мерседес и Энрике приезжали сюда, чтобы сыграть свадьбу!

Многих других уже нет. Когда-то мне казались смешными фразы типа “Я потеряла мужа”. Но ощущение именно такое. Человек запропал. Пол, тетя Чата, Бадди. Я понимаю, как можно верить в призраков или вызывать умерших на сеансах. Бывает, я несколько месяцев думаю только о тех, кто жив, а потом приходит Бадди с анекдотом, или явственно возникаешь ты, навеянная звуками танго или вкусом *agua de sandia*¹. Если бы только ты могла поговорить со мной. От тебя толку — не больше, чем от моего глухого кота.

В последний раз ты приходила спустя несколько дней после снежной бури. Земля все еще была заснеженная, заледенелая, но нам улыбнулась удача — на день потеплело. Белки и сороки тараторили, на голых деревьях насвистывали воробьи и зяблики. Я распахнула все двери, раздвинула все шторы. Пила чай за кухонным столом, чувствуя спиной солнце. Из гнезда на передней веранде высыпали осы, сонно проплыли по моему дому, зажужжали, сомнамбулически кружа по кухне. Как раз в этот момент сдохла батарейка пожарной сигнализации, и датчик расчирикался, словно летний сверчок. Солнце добралось до чайника и банки с мукой, до серебряной вазы с левкоями.

Ленивая подсветка, словно днем в твоей спальне в Мехико. Я увидела солнце на твоём лице.

¹ Арбузная вода (*исп.*), напиток из арбуза с добавлением сахара и лимонного сока.

Инстинкт дома

Я никогда не видела, как по утрам вороны улетают с этого дерева, но слетаются они каждый вечер, со всего города, примерно за полчаса до темноты. То ли среди них есть штатные пастухи, которые прочесывают квартал за кварталом и зовут других домой, то ли каждая птица, прежде чем усесться на дерево, кружит, собирая отставших. Казалось бы, я сама должна все это знать — так давно наблюдаю. Но я вижу только ворон, десятки ворон, которые слетаются к дереву отовсюду, издалека, а еще пять или шесть ворон нарезают круги, словно над аэропортом О'Хэйр, и зовут, зовут, а потом, в мгновение ока — тишина, ворон точно ветром сдуло. Дерево выглядит обыкновенно — клен как клен. Ни за что не догадаешься, что на нем столько птиц.

Впервые я увидела их случайно, когда была у себя на передней веранде. Вернулась из центра, так что при мне был портативный баллон, и присела на качели на веранде — полюбоваться вечерним солнцем. Обычно я сижу на задней веранде, куда дотягивается шланг от моего основного кислородного баллона. А иногда в это время смотрю новости или готовлю ужин. Я хочу сказать: если бы не стечение обстоятельств, я, наверно, доныне не подозревала бы, что в сумерках на этом клене полно ворон.

А потом? Может, они перелетают все вместе на какое-нибудь другое дерево, выше по склону горы Санитас, и там ночуют? Вполне возможно: я ведь никогда не видела, чтобы они вылетали из кроны клена, хотя встаю рано и усаживаюсь у окна, выходящего на предгорья. Оленей вижу — как они взбираются на гору Санитас и Дакотскую гряду, и восходящее солнце вижу — розовое, сияющее, выглядывающее из-за скал. Если лежит снег и очень холодно, начинается “альпийское свечение”: от ледяных кристаллов утренний свет становится как розовое витражное стекло, как неоновые кораллы.

Ну да, ну да, теперь зима. Дерево стоит голое, ворон вообще нет. Я просто думаю о воронах. Мне трудно ходить, подняться в гору на несколько кварталов — выше моих сил. Наверно, я могла бы поехать на машине: так Бастер Китон приказывал своему шоферу отвезти его на ту сторону улицы. Но все равно я вряд ли смогу разглядеть ворон в кроне, потому что будет уже темно.

Даже не знаю, к чему я вообще заговорила об этом. Теперь на снегу мелькают, переливаясь голубым и зеленым, лазоревые сороки. Покрикивают, как и вороны, властно. Конечно, я могла бы найти какую-нибудь книжку или позвонить кому-нибудь — выяснить про гнездование ворон. Но меня другое беспокоит: я же их заметила абсолютно случайно. Что еще я прозевала? Сколько раз в жизни я, так сказать, оказывалась не на той веранде? Какие слова, обращенные ко мне, я недослышала? Какую любовь недопочувствовала?

Все это пустые вопросы. Я до сих пор жива только благодаря тому, что рассталась со своим прошлым. Закрыла дверь перед горем, перед сожалением, перед угрызениями совести. Если я их впущу, сделаю себе малюсенькую поблажку, приоткрыв дверь самую чуточку... бэмс, дверь настезь шторм страданий истерзает мне сердце выедавая глаза стыдом сшибая чашки и бутылки опрокидывая банки круша окна ковыляя

в крови по рассыпанному сахару и битым стеклам задыхаясь от ужаса, пока, вздрогнув в последний раз, всхлипнув в последний раз, я не закрою тяжелую дверь. И в очередной раз соберу осколки.

Но, может, если начать со слов “А если бы...”, впустить к себе прошлое будет не столь уж опасно? А если бы я поговорила с Полом до его отъезда? А если бы я обратилась за помощью? А если бы я вышла замуж за К.? Когда сидишь здесь, глядя в окно на дерево, на котором теперь — ни листьев, ни ворон, ответы на каждое “А если бы?” вселяют странное облегчение. То, чего не случилось, вообще не могло случиться: все эти “если бы” и “если бы да кабы” — сплошная фантастика. Все хорошее и все плохое в моей жизни было предсказуемо и неотвратимо, особенно те решения и поступки, которые гарантировали мне мое нынешнее полное одиночество.

А если я вернусь в далекое-далекое прошлое — до нашего переезда в Южную Америку? А если бы доктор Мок сказал, что мне надо еще на год остаться в Аризоне, потому что мне требуется длительное лечение от сколиоза, подгонка корсета и, возможно, хирургическая операция? Я бы воссоединилась со своей семьей через год. Что было бы, если бы я жила в городе Патагония у Уилсонов, а каждую неделю ездила бы к ортопеду в Тусон, читая в душном автобусе “Эмму” или “Джейн Эйр”?

У Уилсонов было пятеро детей, все достаточно большие, чтобы работать в семейных заведениях — “Универсальном магазине” или “Сластене”. До и после уроков я работала в “Сластене” вместе с Дот, жила с ней в комнате на чердаке. Семнадцатилетняя Дот была старшим ребенком в семье. Только она была уже женщина. Она выглядела, как женщины в кинокартинах: густо пудрилась, промокала покрашенные губы бумагой, выдувала табачный дым из носа. Мы спали валетом на матрасе, набитом сеном и застланном старыми

лоскутными одеялами. Я приучилась не беспокоить Дот, лежать тихо, наслаждаясь ее ароматами. Она укрощала свои рыжие кудри маслом “Дикий корень”, на ночь мазала лицо кремом “Нокзима”, непременно наносила духи “Твид” на запястья и на кожу за ушами. Дот пахла сигаретами, потом, дезодорантом “Т-с-с” и, как я позднее выяснила, сексом. И прогорклым маслом — не только она, мы обе, потому что жарили в “Сластене” гамбургеры и картофель фри до самого закрытия — до десяти вечера. А потом шли домой пешком — переходили главную улицу и железнодорожные пути, поскорее проскакивали мимо салуна “Фронтир” и входили в дом ее родителей. Дом Уилсонов был самый красивый в городе. Большой, двухэтажный, белый, с забором из штакетника, садом и газоном. Вообще же в Патагонии почти все дома были маленькие и неказистые. Дома шахтерского городка, где никто надолго не задерживается, выкрашенные светло-бурой краской неестественного оттенка, все равно как вокзалы, постройки на шахтах и ириски. Почти все жители работали в горах — на шахтах “Тренч” и “Флакс”, где мой отец раньше служил инспектором. Теперь отец отвечает за закупки руды в Чили, Перу и Боливии. Он не хотел уезжать, не хотел бросать шахты, работу под землей. Это моя мать уговорила его уехать, и все тоже уговаривали. Шанс блестящий, мы станем настоящими богачами.

Отец платил Уилсонам за мое проживание и питание, но семьи сообща решили, что для моей собственной пользы я должна работать наравне с другими детьми. Мы все трудились не покладая рук, особенно Дот и я, потому что работали допоздна, а вставали в пять утра. Мы открывали кафе, чтобы обслужить три автобуса с шахтерами, которые ехали из Ногалеса на “Тренч”. Автобусы подъезжали один за другим, с пятнадцатиминутной разницей, шахтеры успевали разве что выпить кофе — одну-две чашки — и съесть несколько пончи-

ков. Они нас благодарили, махали руками на прощанье: “*Hasta luego!*”¹ Мы мыли посуду, делали себе сэндвичи на обед. Миссис Уилсон сменяла нас, и мы шли в школу. Я пока училась в начальной школе на холме. А Дот — в предпоследнем классе средней школы.

Когда вечером мы возвращались домой, она выскальзывала через черный ход — на свидание. Ее парня звали Сикст, он жил на своем ранчо в Сонойте, бросил школу, чтобы помочь отцу. Не знаю, когда она возвращалась. Я засыпала, едва опустив голову на подушку. Дрыхла, можно сказать, на сеновале! Мне нравилась сама идея матраса с сеном — это же как в книжке про Хайди. На сене приятно лежать, его приятно нюхать. Каждый раз казалось: только-только я сомкнула веки, а Дот уже меня расталкивает. Она уже умылась или приняла душ, она уже одета, а пока я одевалась, она делала начес на своих волосах, стриженных “под пажа”, и красилась. “Чего пялишься? Нечем заняться — постель заправь”. Дот меня здорово недолюбливала, но и я ее тоже, так что мне было все равно. Пока мы шли в “Сластену”, она твердила снова и снова, чтоб я помалкивала про ее встречи с Сикстом, а то папа ее убьет. Про нее и Сикста знал весь город, иначе я бы кому-нибудь рассказала — не ее родителям, но кому-нибудь, просто в отместку за ее вредность. Она вредничала из принципа, думала, что обязана ненавидеть соплюшку, которую подселили к ней в комнату. Если честно, в остальном у нас были нормальные отношения: мы усмехались и хохотали, слаженно резали лук, наливали содовую, переворачивали бургеры. Мы обе трудились расторопно и умело, нам обеим нравилась работа с людьми, особенно с добродушными шахтерами-мексиканцами, которые по утрам шутили, поддразнивали нас. После уроков мы наливали содовую и накладывали пломбир школьникам и горожанам, которые заходили

1 До скорого (исп.)

в “Сластену”, чтобы послушать музыкальный автомат и поиграть в пинбол. Мы готовили гамбургеры, хотдоги с чили, горячие бутерброды с сыром. В меню были салаты — с тунцом и яйцами, картофельный, — которые готовила миссис Уилсон. Но самым популярным блюдом был чили, который каждый день приносила мать Уилли Торреса. Зимой — красный чили, летом — зеленый чили со свининой. И тортильи из пшеничной муки громоздились целыми стопками, мы их разогревали на гриле.

Мы с Дот не просто так торопились и усердствовали: у нас был негласный уговор, что, когда посуда будет вымыта и гриль почищен, она убежит через кухонную дверь к Сиксту, а я с девяти до десяти вечера, когда народу уже мало, беру пироги да кофе, поработаю одна.

Уилли работал до девяти в пробирной лаборатории в соседнем доме. В школе мы учились в одном классе, в школе и подружились. Утром по субботам я приезжала с папой на пикапе, чтобы купить продукты и забрать почту для четырех или пяти семей, которые жили в горах, при шахте “Тренч”. Папа все закупал, грузил в машину, а потом заглядывал в пробирную лабораторию мистера Уайза. Они пили кофе и разговаривали — о руде, шахтах, жилах? Извините уж, я не прислушивалась. Знаю только, что о минералах. В конторе Уилли точно подменяли — в хорошем смысле. В школе он робел: до восьми лет он жил в Мексике и потому, хотя он был умнее нашей учительницы миссис Бусингер, с чтением и письмом у него было не все ладно. В своей первой валентинке он написал мне: “Буд маей Валятиной”. Но над ним никто не смеялся — не то что надо мной и над моим корсетом, мне орали “Цапля”, когда я входила в класс, потому что я была высокая. Он тоже был высокий, с индейскими чертами лица: скуластый, темноглазый. Одежда у него была чисто отстиранная, но заношенная и тесноватая, черные прямые волосы — длинноватые, подстриженные криво: стригла

его мать, дома. Когда я читала “Грозовой перевал”, у Хитклифа было лицо Уилли — необузданного и храброго.

В пробирной лаборатории казалось, что Уилли все-все на свете знает. Он собирался стать геологом. Научил меня, как распознавать золотую руду, и “золото дураков” — медный колчедан, и серебряную руду. В тот первый день мой отец спросил, о чем мы разговаривали. Я продемонстрировала ему свои познания:

— Это медь. Кварц. Свинец. Цинк.

— Прекрасно! — сказал он с неподдельной радостью.

По дороге домой я выслушала лекцию о геологии всех участников между городом и шахтой.

По субботам Уилли показывал мне все новые камни: “Это слюда. Эта порода — глинистый сланец, а это известняк”. Он объяснял мне шахтерские карты. Мы копались в ящиках, набитых окаменелостями. Он ходил с мистером Уайзом их искать. “Ой, какой! Посмотри, какой листок!” Я не сознавала, что полюбила Уилли, потому что нас связывало нечто негромкое, ничуть не похожее на ту любовь, о которой все время разговаривали девчонки, — ничего общего с романтикой, или со слезами-соплями, или с “Ой-ой-ой, Джини втрескалась в Марвина!”

Мы опускали жалюзи на витринах “Сластены” и весь последний час сидели за стойкой — делали уроки, ели пломбир с горячей помадкой. Он знал, как обхитрить музыкальный автомат, бесконечно крутил “На медленном пароходе в Китай”, “Плачь” и “Милашку в Тексаркане”. Он блистал в арифметике и алгебре, я владела словом, так что мы друг дружке помогали. Мы клали головы друг дружке на плечи, цеплялись ногами за ножки табуретов. Он даже клал локоть на выпирающую часть моего корсета, и меня это ничуть не смущало. А ведь обычно, едва я видела, что кто-то просто заметил, что у меня под одеждой корсет, я сгорала со стыда — меня даже мутило.

Больше всего нас объединяла сонливость. Мы никогда не говорили: “Ой, что-то спать хочется. А тебе?” А просто вместе мучились от усталости, вместе зевали, низко наклоняясь к стойке в “Сластене”. И в классе зевали одновременно, улыбаясь друг другу из разных рядов.

Его отец погиб при обвале на шахте “Флакс”. Сколько мы жили в Аризоне, мой отец пытался добиться закрытия этой шахты. Его работа много лет состояла именно в этом: он обследовал шахты, выясняя, не иссякла ли жила, не опасно ли находиться в выработках. Его прозвали “Браун-Закройте-Шахту”. И вот мы подъехали к дому Уилли, и я ждала в пикапе, а мой отец пошел сообщить его матери насчет его отца. Тогда я еще не была знакома с Уилли. На обратном пути мой отец плакал, и я очень испугалась. Только позднее от Уилли я узнала, что мой отец добивался пенсий для шахтеров и их семей, что для матери Уилли эта пенсия стала большим подспорьем. У нее было шестеро детей, считая Уилли, она работала прачкой и кухаркой.

Уилли вставал так же рано, как и я, колол дрова, готовил братьям и сестрам завтрак. Хуже всего были уроки обществознания: невозможно не задремать, невозможно заинтересоваться. Обществознание начиналось в три. Этот час казался бесконечным. Зимой, когда топилась печь, окна запотевали, наши щеки розовели. Миссис Бусингер сидела вся красная, только кружочки румян на скулах оставались лиловыми. Летом, когда окна были открыты, когда в убаюкивающей духоте жужжали мухи, гудели пчелы и тикали часы, она говорила о Первой поправке, а потом вдруг — бам-м! — ударяла по столу линейкой: “Просыпайтесь! Просыпайтесь! Эй вы, две медузы бесхребетные! Сядьте прямо! Откройте глаза! Эх вы, медузы!” Однажды ей показалось, что я сплю, но я просто зажмурилась, чтобы глаза отдохнули. Она спросила:

— Лулу, кто сейчас госсекретарь?

— Атчесон, мэм.

— Ачесон, — поправила она меня, но все равно удивилась. — Уилли, а кто министр сельского хозяйства?

— Топика и Санта-Фе¹?

Наверно, мы оба от недосыпа были как пьяные. Сколько она ни била нас учебником обществознания по макушкам, мы только громче смеялись. Она выгнала Уилли в коридор, а меня — в гардеробную, после уроков обнаружила, что мы оба крепко спим, свернувшись калачиком.

Несколько раз Сикст забирался через окно в комнату Дот. Я слышала его шепот: “А мелкая спит?” “Как мертвая”. Так оно и было. Сколько я ни боролась со сном, чтобы подглядеть за ними, я все равно засыпала.



На этой неделе произошло нечто странное. Вдруг вижу: у самого левого глаза проносятся вороны — крохотные, проворные. Поворачиваюсь — исчезли. Зажмурюсь — мимо мелькают огни, точно мотоциклы на шоссе. Я подумала, что у меня галлюцинации или раковая опухоль в глазу, но доктор сказал: это мушки, они бывают у многих.

— Как это — в темноте и вдруг огни? — спросила я в полном недоумении. Точно так же я не могла понять, как работает холодильник. Доктор сказал, что мой глаз говорит мозгу, что видит огни, а мой мозг ему верит. Пожалуйста, не смейтесь. И это еще больше запутало вопрос о воронах. Мне в очередной раз вспомнилась задачка про падение дерева в лесу². А вдруг мои глаза просто сказали моему мозгу, что на клене сидят вороны?

1 Уилли подумал об американской железнодорожной компании “Атчесон, Топика и Санта-Фе”.

2 Отсылка к философской загадке: “Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет?”

Как-то воскресным утром я проснулась, а на нашем матрасе Сикст — спит у другого бока Дот. Возможно, мне было бы интересно за ними понаблюдать, будь они оба покрасивее. Он стригся под ежик, лицо у него было прыщавое, брови белесые, кадык — гигантский. Правда, он был чемпионом по метанию лассо и скачкам вокруг бочек, а его хряк три года подряд побеждал на конкурсе “4-Эйч”¹. Дот была страшненькая, без преувеличений. Сколько бы она себя ни размалевывала, она даже на провинциальную дешевку не походила: макияж лишь подчеркивал ее малюсенькие карие глаза и широченный рот, который вечно был приоткрыт в полуоскале — из-за длинных верхних клыков. Я тихонько толкнула Дот, показала рукой на Сикста. “Разрази меня гром”, — сказала она, разбудила его. В две секунды он исчез за окном, спустился по тополи и был таков. Дот прижала меня к сенному матрасу, заставила поклясться, что я никому ничего не скажу.

— Да ладно тебе, Дот, разве я раньше хоть слово кому сказала, а?

— Скажешь, я настучу на вас с мексикашкой.

Меня передернуло: она заговорила, как моя мать.

Как же здорово было не нервничать из-за матери. Мой характер изменился к лучшему. Ни грубости, ни угрюмости. Вежливая, старательная, услужливая. Ничего не проливаю, не ломаю, не роняю — не то что дома. Мне ни капельки не хотелось уезжать. Мистер и миссис Уилсон без умолку твердили, что я милая девочка, трудолюбивая, я им стала как родная. По воскресеньям были семейные обеды. Мы с Дот работали до полудня, пока родители были в церкви, а потом запирали двери, шли домой, помогали готовить обед. Мистер Уилсон читал предобеденную молитву. Мальчишки пихали друг друга и смеялись, разговаривали о баскетболе, а мы все разговаривали о... даже

¹ Американская сеть детских и молодежных организаций. Делает большой упор на развитие практических навыков, особенно в сфере сельского хозяйства.

не припомню о чем. Может, вообще почти не разговаривали, но обстановка была приятная. Мы говорили: “Передай, пожалуйста, масло”. “Кому подливки?” Мне больше всего нравилось, что у меня была собственная салфетка и собственное кольцо для салфетки, и хранились они в буфете вместе с салфетками и кольцами всех остальных.

По субботам меня подвозили до Ногалеса, а оттуда я ехала автобусом в Тусон. Доктора делали мне вытяжение — держали часами в мучительном средневековом аппарате, пока боль не становилась нестерпимой. Измеряли мое тело, а чтобы проверить, не повреждены ли нервы, втыкали в меня булавки, били молоточками по коленкам, по ступням. Подгоняли корсет, подбирали ортопедический ботинок по размеру. Похоже, они вынашивали какое-то решение. Разные врачи, щурясь, разглядывали мои рентгеновские снимки. Светило медицины, чьего заключения они все дожидались, рассудило, что мои позвонки слишком близко к спинному мозгу. Неудачная операция может спровоцировать паралич, оказать шоковое воздействие на все внутренние органы, которые подстроились к искривлению позвоночника. И денег понадобится много: не только на операцию, но и на восстановительный период, потому что мне пришлось бы пять месяцев неподвижно лежать на животе. Я радовалась, что они, похоже, против операции. Я ведь была уверена: если позвоночник выпрямят, я вымахую до восьми футов. Но мне не хотелось, чтобы они прекратили меня осматривать, потому что я не хотела уезжать в Чили. Я выпросила у них рентгеновский снимок, на котором было видно серебряное сердечко — подарок Уилли. Мой позвоночник в форме буквы S, мое сердце — не там, где положено, а его сердце — посередине. Уилли повесил снимок на окошко в какой-то камерке в пробирной лаборатории.

Иногда субботними вечерами устраивались танцы где-нибудь далеко — в Элджине или Сонойте. В амбарах. Собирались

все, кто жил в радиусе нескольких десятков миль: старики и молодежь, приезжали с грудными детьми и с собаками. Отдыхающие из пансионатов. Все женщины приносили какую-то еду. Жареную курицу и картофельный салат, кексы, пирожные и пунш. Мужчины выходили группками на улицу и собирались у своих пикапов, выпивали. И некоторые женщины тоже выходили, моя мать — всякий раз. Старшеклассники надирались и блевали, обжимались украдкой, а их разоблачали. Старушки танцевали друг с дружкой и с детьми. Все шли танцевать. В основном тустеп, но медленные танцы тоже были. И джаттербаг. Иногда — кадрили, мексиканские танцы типа *La Varsoviana*¹. В ней поется — переведу на английский — “Поставь ножку, поставь ножку вот сюда”, и ты скачешь, прыг-скок, и кружишься. Музыканты играли все что угодно: “Ночь и день”² и “Объезд, впереди грязная дорога”³, *“Jalisco no te Rajes”*⁴ и “Танцуй хаклбак”⁵. Каждый раз оркестр был другой, но смесь мелодий — та же самая. Откуда брались все эти разношерстные замечательные музыканты? Пачуко дудели в трубы и трясли маракасами, гитаристы в ковбойских шляпах играли кантри, ударники лабали бибоп, пианисты были похожи на Фреда Астера. Ничего похожего на эти оркестрики я больше нигде никогда не слышала — разве что в “Файв Спот” в конце 50-х. “*Ramblin*” Орнетта Коулмана. Все тащились от Коулмана: как это ново, полный отпад. А мне показалось, что он играет текс-мекс, совсем как на удачных танцульках в Сонойте.

Степенные домохозяйки, закаленные фронтиром, приходили расфуфыренные. Домашняя химическая завивка (про-

1 Варшавянка (*исп.*).

2 Песня Кола Портера.

3 Ковбойская баллада Пола Вестморленда.

4 “Халиско, не отступайся”, известная мексиканская песня, воспевающая штат Халиско и его столицу Гуадалахару.

5 “Хаклбак” — модный танец конца 40–50-х годов в США. Мелодия приписывается Энди Гибсону.

давались такие наборы “Тони”), румяна, туфли на шпильке. Мужчины были суровые трудяги — скотоводы или шахтеры, выросшие в годы Великой депрессии. Серьезные, трудолюбивые, богобоязненные. Мне очень нравилось смотреть на лица шахтеров. Мужчины, которых я видела после смены чумазыми и осунувшимися, тут были румяные и беспечные, визжали “Ай-яй-яй-яй!”, потому что все не только танцевали, все пели и орали. Иногда мистер и миссис Уилсон, пролетая мимо в танце, немножко замедляли темп, спрашивали, запыхавшись: “Ты не видела Дот?”

Мама Уилли приезжала на танцы с подругами. Она всегда танцевала, всегда была в красивом платье, с высокой прической, крестик, висевший у нее на шее, так и летал. Она была молодая и красивая. И строгих правил. Когда звучал медляк, она не прижималась к партнеру. Не выходила из амбара к пикапам. Нет-нет, я сама таких вещей не подмечала. Но все женщины из Патагонии подмечали и говорили об этом, чтобы ее похвалить. И добавляли, что она недолго останется вдовой. Когда я спросила Уилли, почему он никогда не ходит на танцы, он сказал, что танцевать не умеет и вообще... надо за маленькими смотреть. Но другие дети бывают на танцах, почему бы и им не поехать? Нет, сказал он. Его матери нужно развеяться, иногда отдохнуть от их оравы.

— Ну, а тебе?

— Я не очень-то и стремлюсь. Не подумай чего, я собой не жертвую. Я тоже хочу, чтобы мама нашла нового мужа, не меньше, чем она сама хочет, — сказал он.

Если в город заезжали мастера алмазного бурения, на танцах становилось еще веселее. Не знаю, есть ли еще в наши дни мастера алмазного бурения, но в те времена они считались людьми особенной породы. Обычно они въезжали в поселок вдвоем — каждый на своем автомобиле, под рев моторов, в облаке пыли, на скорости девяносто миль в час. У них были не пикапы, не ка-

кие-то там обыкновенные седаны, а изящные двухместные авто, покрашенные глянцевой краской, которая сияла даже под слоем пыли. В отличие от скотоводов и шахтеров, эти мужчины не носили джинсовку и хаки. Ну, может, и носили, когда спускались в шахты, но в дороге или на танцах они были в темных костюмах и шелковых рубашках, в галстуках. Волосы у них были длинные, уложенные в кок, они отращивали длинные бакенбарды, иногда — усы. Хотя я видела их только на Западе, на шахтах, их машины были, судя по номерам, зарегистрированы в Теннесси, Алабаме или Западной Вирджинии. Приезжали они не больше чем на неделю, вскоре срывались с места. “Им платят больше, чем нейрохирургам”, — говорил мой отец. Если ничего не путаю, именно они вскрывали хорошую жилу или вообще отыскивали жилы. Во всяком случае я точно знаю, что ценили их высоко, что работа у них была опасная. По ним чувствовалось, что это люди опасные и, как я теперь понимаю, сексапильные. Невозмутимые, надменные, они излучали ту же ауру, что и матадоры, грабители банков, питчеры. В амбарах всем женщинам — и старым, и юным — хотелось потанцевать с мастером алмазного бурения. Мне хотелось. А мастерам всегда хотелось танцевать с матерью Уилли. Чья-нибудь жена или сестра, перебрав лишнего, непременно уходила из амбара с заезжим мастером, и тогда разгоралась кровавая драка, все мужчины выбегали наружу. Драки всегда кончались тем, что кто-нибудь стрелял из ружья в воздух, и мастера алмазного бурения молниеносно уносились в ночь, а раненые кавалеры с распухшими челюстями или подбитыми глазами возвращались на танцы. И оркестр играл что-нибудь вроде “Ты мне изменяла слишком часто, наступил последний раз”¹.

Однажды в воскресенье мистер Уайз повез меня и Уилли на шахту — посмотреть наш прежний дом. И тогда, почуяв

¹ Песня Дженни Лу Карсон, стала хитом 1945 года.

аромат папиных роз “Мистер Линкольн”, прогулявшись под старыми дубами, я затосковала по этому дому. Всюду, куда ни глянь, — скалистые утесы, видно долины насквозь, и гору Болди тоже. По-прежнему летают ястребы и сойки, и шкивы на комбинате издают прежний звук — “тики-тик”, как барабан и тарелки. Я затосковала по своим родным, глотала слезы, но все-таки расплакалась. Мистер Уайз обнял меня, сказал, что не надо переживать, вот закончится учебный год, и тогда, наверно, я к ним уеду. Я посмотрела на Уилли. Он дернул головой, указывая мне на олениху и оленят, которые глазели на нас, стоя в нескольких футах. “Они не хотят, чтобы ты уезжала”, — сказал он.

В общем, я бы, наверно, уехала в Южную Америку. Но в Чили произошло ужасное землетрясение, национальная катастрофа, и вся моя семья погибла. Я осталась жить в Патагонии, штат Аризона, у Уилсонов. Окончила школу, получила стипендию в Аризонском университете, стала учиться на журналиста. Уилли тоже получил стипендию, стал двойным бакалавром — по геологии и по истории искусства. После вручения дипломов мы поженились. Уилли устроился на шахту “Тренч”, а я работала в “Ногалес Стар”, пока не родился наш первенец Силвер. Мы жили в красивом старом саманном доме миссис Бусингер (ее тогда уже не было в живых) высоко в горах, в яблоневом саду в окрестностях Харшо.

Я знаю, это звучит слащаво, но мы с Уилли прожили всю жизнь душа в душу.

Что, если бы оно произошло, это землетрясение? Знаю-знаю. В том-то и беда всех этих “что, если?”. Рано или поздно натыкаешься на препятствие. Мне бы не удалось остаться в Патагонии. Я попала бы в Амарилло, штат Техас. Плоская равнина, силосные башни, небо да перекасти-поле, а горы вообще не видны. Я жила бы с дядей Дэвидом, тетей Харриет и моей прабабушкой Грей. Они думали бы, что от меня одни

несчастья. Что я их тяжкий крест. Было бы много того, о чем они говорили бы: “Лулу фигурует”, а психолог назвал бы “негласной мольбой о помощи”. Отсидев в исправительной колонии для несовершеннолетних, я скоро сбежала бы с мастером алмазного бурения, который ехал через наш город в Монтану. И, верьте не верьте, моя жизнь закончилась бы точно так же, как теперь — у подножия известняковой Дакотской гряды, с воронами.

БЛАГОДАРНОСТИ

На протяжении нескольких лет, потраченных на эту книгу, очень многие люди оказывали нам поддержку, ободряли нас, прилагали усилия ради нас, и, невзирая на неотступную печаль, процесс работы часто приносил нам подлинную радость. Как было бы хорошо, если бы об этом знала Лусия...

Огромное спасибо издателям предыдущих сборников, в том числе нескольким людям, которые больше не могут принять нашу благодарность. В почетном списке — Майкл Майерс и Холбрук Тетер (издательство *Zephyrus Image*), Эйлин и Боб Каллахан (*Turtle Island*), Майкл Вулф (*Tombouctou*), Алестейр Джонстон (*Poltroon*), а также Джон Мартин и Дэвид Годайн (*Black Sparrow*). Все, кто только мог с нами сотрудничать, великодушно оказали нам содействие.

Усилиями, благодаря которым вы держите в руках этот сборник, руководили писатели Барри Гиффорд и Майкл Вулф. Они вместе с Дженни Дорн, Джеффом Берлином, Гейл Дэвис, Кэтрин Фоссет, Эмили Белл и Лидией Дэвис благородно и эффективно усердствовали ради того, чтобы книга появилась. В FSG образцовая команда с широким спектром умений присоединилась к Эмили, внесла свой вклад энергично и самоотверженно. Я уверен: все вы знаете, как признательна была бы нам Лусия. Пожалуйста, знайте, что я вам тоже признателен.

СТИВЕН ЭМЕРСОН

литературно-художественное издание

● ● ● ● ● ● ● ● ● ● ●

● ● ● ● ● ● ● ● ● ●

16+

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Тираж 3000 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ООО “Издательство АСТ”
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: info@corpus.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085 г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: info@corpus.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспроизводится без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317, Москва, Пресненская наб., д. 6, стр. 2, БЦ “Империя”, а/я № 5
Тел.: (499) 951 6000, доб. 574

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”,
литер Б, офис 1
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

